12+

Александр Жунтов

Общество милосердных

Путь от равнодушия к человечности

Александр Жунтов
Общество милосердных

https://litres.ru/74958587
ISBN 9785007175395

Аннотация

«Общество милосердных» — это книга о пути от равнодушия к человечности. О том, как формируется нравственный компас, почему доброта требует силы и зачем человеку учиться обращаться с чужой душой бережно.

В конце каждой главы вас ждет практический блок «Что можно сделать сегодня» — простые шаги, которые помогут сделать мир немного добрее, начиная с ближайшего окружения.

Это живая, искренняя книга о милосердии, семье, воспитании, любви, прощении и человеческой зрелости.

Содержание

ОБЩЕСТВО 5
От автора 6
О книге и её историях 9
1. Милосердие — не слабость 10
Улитки и маленькое открытие о большом мире 17
Чувствительность — ещё не милосердие 23
Свобода без внутреннего ориентира 26
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Общество милосердных

Александр Дмитриевич Жунтов

© Александр Дмитриевич Жунтов, 2026

ISBN 978-5-0071-7539-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОБЩЕСТВО МИЛОСЕРДНЫХ
Путь от равнодушия к человечности
АЛЕКСАНДР ЖУНТОВ

«Не каждый человек рождается с пониманием того, как правильно обращаться с чужой душой. Но каждый человек заслуживает возможности этому научиться».

От автора

Я никогда не претендовал на нравственное превосходство. И мне бы не хотелось, чтобы, открывая эту книгу, ты представлял меня человеком, который с самого детства безошибочно различал добро и зло, всегда поступал правильно и теперь решил объяснить остальным, как нужно жить.

Это было бы неправдой.

Я совершал ошибки. Не всегда замечал чужую боль. Не сразу понимал, почему одни мои поступки могут причинять вред другим. Иногда мне казалось, что я поступаю совершенно правильно, а спустя годы я смотрел на ту же ситуацию уже совсем иначе.

За пять лет педагогической работы я встречал детей из непростых семей, общался с ребятами, которым пришлось рано узнать одиночество, недостаток внимания и отсутствие домашнего тепла. Я работал в летних лагерях, в том числе во Всероссийском детском центре «Орлёнок». Я видел жестокость и равнодушие, но не раз находил ростки милосердия там, где, казалось бы, для них не осталось места.

Постепенно я понял: человечность не принадлежит какой-то одной социальной группе. Она не выдаётся вместе с дипломом, достатком или положением. Её нельзя раз и навсегда получить в детстве. Она формируется, проверяется и развивается на протяжении всей жизни.

Эта книга не научный трактат и не проповедь. Я не собираюсь ставить диагнозы незнакомым людям или делить человечество на хороших и плохих. Мне гораздо интереснее другое: как мы становимся теми, кто способен беречь чужую душу? Почему иногда понимаем правильную мысль, но не можем воплотить её в поступке? И что можно сделать сегодня, чтобы рядом с нами другому человеку стало немного легче жить?

Я буду рассказывать о собственных ошибках, о детях, которые удивляли меня своей мудростью, о работе в лагере, о семье и о маме, чьи слова продолжают влиять на мои решения. Некоторые истории могут показаться необычными. Я не стану украшать их выдуманными подробностями: в реальной жизни и без того достаточно материала для размышлений.

Мне хочется, чтобы ты читал эту книгу не как собрание правил, а как разговор. Где-то ты, возможно, согласишься со мной. Где-то поспоришь. А где-то вспомнишь собственную историю и увидишь её под другим углом.

Я не знаю, удастся ли нам когда-нибудь построить общество, в котором милосердие станет естественной нормой. Но я уверен: оно не появится, если каждый будет ждать, пока первым изменится кто-то другой.

Пусть читатель увидит во мне не человека, который всю жизнь был безупречен, а человека, который продолжает учиться обращаться с чужой душой. Для меня в этом и за-

ключается сердце «Общества милосердных».

Давай начнём с себя.

О книге и её историях

В этой книге есть личные воспоминания Александра, его педагогические наблюдения, размышления и примеры из истории и науки. Личные истории изложены со слов автора. Исторические и научные сведения сопровождаются ссылками на источники. Там, где автор не помнит дословную реплику или точную деталь, текст не должен создавать видимость документальной стенограммы. В книге нет придуманных биографических событий, выданных за реальные воспоминания. В конце каждой главы читателя ждут небольшие действия, которые можно попробовать в повседневной жизни.

Некоторые психологические идеи изложены упрощённо, чтобы сделать их понятными широкому кругу читателей. Это не заменяет научную литературу, диагностику или профессиональную помощь. Автор предлагает размышлять, а не ставит диагнозы героям собственных историй или читателю.

1. Милосердие — не слабость

Представь обычный спор. Два человека не согласны друг с другом. Один уверен, что прав, второй тоже не собирается уступать. Сначала звучат аргументы, затем повышаются голоса. Через несколько минут уже никто не пытается понять собеседника: каждый защищает собственное достоинство, даже если для этого приходится задеть чужое.

В такие моменты человеку часто кажется, что уступить — значит проиграть. Признать ошибку — значит показать слабость. Выслушать другого — значит согласиться с ним. Но всё это разные вещи.

Можно не соглашаться и сохранять уважение. Можно защищать себя и не унижать противника. Можно быть твёрдым в принципах, но мягким в обращении с человеком.

Именно здесь начинается разговор о милосердии.

Мы часто представляем милосердного человека исключительно мягким, уступчивым и готовым пожертвовать собой ради каждого встречного. Но такое представление неполно. Милосердие не требует отказаться от собственных границ, позволять насилие или молчать перед несправедливостью. Оно требует другого: не превращать силу в разрешение причинять боль.

В XXI веке этот вопрос особенно важен. Мы живём в мире, где скорость, эффективность и конкуренция нередко ста-

новятся главными мерками успеха. Государства демонстрируют военную мощь, организации борются за влияние, люди сравнивают доходы, достижения и статус. Сама по себе сила не является злом. Она может защищать, спасать, создавать и поддерживать порядок. Но сила без нравственных ограничений легко превращается в господство.

В декабре 1943 года над Германией был подбит американский бомбардировщик B-17 по имени Ye Olde Pub. Самолёт сильно пострадал, часть экипажа была ранена, строй ушёл вперёд, а повреждённая машина осталась практически без защиты. Немецкий лётчик Франц Штиглер увидел её и оказался перед выбором: выполнить боевую задачу и атаковать противника или поступить иначе. Он не открыл огонь. По рассказу участников, Штиглер некоторое время сопровождал бомбардировщик, а затем проводил его за пределы опасной зоны, в сторону Северного моря. История стала известна широкой публике спустя годы, когда американский пилот Чарльз Браун сумел разыскать немецкого лётчика. Их встреча состоялась уже после войны [14].

Я не хочу превращать этот эпизод в красивую сказку, в которой война на минуту перестала существовать. Война продолжалась, самолёт был частью боевого задания, а люди по обе стороны конфликта оставались участниками жестокой системы. Но конкретный человек на конкретной высоте принял решение не добивать того, кто уже почти не мог защищаться. Этот выбор не отменил войну и не сделал её спра-

ведливее. Он только показал, что даже внутри бесчеловечных обстоятельств человеку иногда удаётся сохранить личную ответственность.

В таких историях меня интересует не героизация одного поступка, а вопрос, который он оставляет после себя: что происходит с человеком, когда правила группы, приказ или привычная логика конфликта вступают в противоречие с его собственным представлением о допустимом? Не каждый способен пойти против ожиданий. И не каждый, кто действует по приказу, свободен от ответственности за последствия. Но сама возможность нравственного выбора напоминает: обстоятельства влияют на человека, однако не всегда полностью отменяют его способность решать.

В книге Адама Макоса и Ларри Александера «Высокий призыв» подробно рассказывается о встрече двух лётчиков и о том, как спустя десятилетия они восстановили связь [14]. Для меня важна и другая сторона этой истории: бывшие враги смогли увидеть друг в друге не только форму, флаг и принадлежность к армии, но и конкретного человека. В этом нет призыва забыть историю или отказаться от оценки войны. Есть приглашение не позволять вражде уничтожать способность видеть человеческое лицо.

Принцип милосердия здесь не в том, чтобы отказаться от защиты. Он в том, чтобы не превращать превосходство в право на любое действие. Когда человек слабее тебя, когда он зависим от твоего решения или уже не может ответить,

особенно важно помнить о границе. Именно в таких ситуациях обнаруживается, что ты считаешь силой: возможность причинить вред или способность остановить себя.

В обществе, где право силы оказывается выше человеческого достоинства, слабый начинает восприниматься как помеха. Тот, кто не может ответить, рискует стать удобной мишенью. Тот, кто отличается, становится подозрительным. Тот, кто нуждается в помощи, кажется обузой.

Милосердие возвращает в эту картину человека. Оно напоминает: перед тобой не функция, не препятствие и не средство достижения цели. Перед тобой живое существо со своей историей, страхами, надеждами и ограничениями.

Это не означает, что все поступки одинаково допустимы. Иногда необходимо остановить агрессора, защитить ребёнка, обратиться за помощью или потребовать справедливого решения. Милосердие не отменяет ответственности. Оно не позволяет даже в борьбе за справедливость забыть о человеческом достоинстве.

Мне кажется, одна из опасностей современного мира — привычка к чужой боли. Когда плохие новости идут одна за другой, человек постепенно учится пролистывать страдание. Сначала он сопереживает, потом устает, а затем чужая беда становится частью информационного фона. Это защитная реакция психики, но опасно, если равнодушие начинает проникать в повседневную жизнь.

Не нужно спасать весь мир каждое утро. Невозможно по-

мочь каждому. Но можно не превращать чужую беду в развлечение, не смеяться над беспомощностью, не распространять унизительные слова и не пользоваться слабостью другого ради собственного преимущества.

Милосердие проявляется не только в больших поступках. Иногда оно начинается с решения не добивать человека словом, когда он и так переживает трудный момент. Иногда — с готовности выслушать. Иногда — с честного признания: «Я не знаю, как тебе помочь, но я рядом». [1].

Есть ещё одна ловушка: мы иногда делим людей на тех, кому сочувствуем, и тех, чьи страдания будто бы заслужены. Первым мы готовы помочь, вторым предлагаем «самим разбираться». Но такое деление часто строится на неполной информации. Мы видим один поступок, одну фразу, один фрагмент чужой жизни и делаем вывод о человеке целиком.

Милосердие не требует доверять каждому и не обязывает закрывать глаза на опасность. Оно требует осторожности в окончательных суждениях. Можно остановить вредное поведение и одновременно не унижать того, кто его совершил. Можно потребовать возмещения ущерба, не превращая наказание в спектакль публичного унижения. Можно не продолжать отношения, если они разрушительны, и всё же отказаться от желания мстить.

Эрих Фромм рассматривал любовь как искусство, требующее знания, усилия и практики, а не как одно лишь чувство, которое появляется по волшебству [1]. Эта мысль помогает

мне точнее говорить и о милосердии. Иногда мы ждём особенного душевного состояния: вот почувствую сострадание — тогда помогу. Но в реальности сначала может появиться действие: выслушать, не перебить, не оскорбить, предложить поддержку. А уже после человек обнаруживает, что стал внимательнее к другому.

Сильный человек не тот, кто способен заставить остальных замолчать. Сильный — тот, кто может управлять собственным раздражением и не использовать чужую уязвимость как оружие.

Принцип 1. Не путай доброту с беззащитностью. Сохраняй границы, защищай себя и других, но не позволяй силе превращаться в жестокость.

Вспомни человека, с которым ты недавно спорил. Ты пытался понять его или только хотел победить? И осталось ли после разговора хоть немного уважения, на котором можно строить дальнейшие отношения?

Есть простая проверка для любого спора. Попробуй мысленно отделить три задачи: защитить себя, добиться справедливого решения и причинить другому такую же боль, какую испытал ты. Первые две могут быть необходимы. Третья часто маскируется под первые две, но ведёт в другую сторону. Это не всегда легко заметить в момент раздражения. Поэтому полезно возвращаться к вопросу уже после разговора: я действительно решил проблему или просто хотел победить?

Что можно сделать сегодня

— В следующем споре попробуй сначала сформулировать позицию собеседника так, чтобы он узнал в ней свою мысль.

— Если можешь защитить себя без унижения другого человека, выбери именно этот способ.

— Вспомни, где сегодня твоя сила может стать поддержкой, а не давлением.

«Милосердие не отнимает силу. Оно показывает, ради чего и каким образом эта сила используется».

2. Я чувствовал чужую боль, но не всегда замечал её

Есть одна особенность моего детства, которая до сих пор заставляет меня задумываться о природе человеческой нравственности. Я всегда обладал хорошей памятью. Могу вспомнить события, произошедшие настолько давно, что многие взрослые, вероятно, давно бы их забыли. Иногда память сохраняет не только само событие, но и отдельные фразы, ощущения и странные детали, смысл которых становится понятен лишь спустя годы.

Я хочу рассказать несколько историй из своего детства. Некоторые могут показаться странными. Но разговор о милосердии будет нечестным, если мы станем вспоминать исключительно наши добрые поступки.

Улитки и маленькое открытие о большом мире

Когда я был маленьким, я часто помогал маме и папе в огороде. Как и многих детей, меня интересовало всё живое, что можно было обнаружить в земле, на листьях или под камнями. Особенное внимание привлекали слизни, колорадские жуки, капустницы и улитки. Последние казались мне особенно интересными: я уже тогда знал, что где-то во Франции их едят примерно так же, как лягушек.

Мама объяснила мне, что эти создания являются вредителями. Они портят урожай, поэтому в саду и огороде им не место. От них необходимо избавляться.

Для взрослого человека это обычное хозяйственное объяснение. Есть огород, есть выращенные растения и есть существа, способные повредить урожаю. Но детский разум способен связывать между собой совершенно разные вещи.

В моей голове мамин запрет каким-то удивительным образом соединился со словами прабабушки. Она рассказывала, что солдаты Красной армии говорили: «Сколько раз ты увидишь врага, столько раз его и убей».

Сегодня я понимаю, насколько далеки друг от друга первоначальные смыслы этих высказываний. Одно относилось к защите огорода от вредителей, другое — к военному противостоянию. Но детская логика объединила их в одну весьма

своеобразную нравственную конструкцию: если перед тобой враг, его нужно уничтожить. А кто враг? Тот, кто мешает твоему делу.

Позже я узнал, что в психологии и педагогике существуют разные подходы к описанию нравственного развития. Лоуренс Кольберг изучал, как меняются основания, которыми люди объясняют свои моральные решения. Его теория не должна восприниматься как строгая лестница, по которой каждый человек неизбежно поднимается одинаково. Но она напоминает о важной разнице между послушанием из страха наказания и поступком, который человек считает правильным по внутренним основаниям [4].

Мне кажется, в детской истории с улитками я действовал по внешнему правилу, но не понимал его смысла и границ. Я услышал: вредителей нужно убирать. Я не спросил, где именно и почему это необходимо. Я перенёс правило из огорода на улицу, а затем ещё и придал ему воинственный смысл. Взрослый мог бы просто запретить мне давить улиток. Но мама сделала больше: она показала, что разные ситуации требуют разных решений.

Такое объяснение не делает ребёнка автоматически мудрым. Он может снова ошибиться, забыть разговор или понять его частично. Но у него появляется материал для размышления. Воспитание не всегда даёт мгновенный результат. Иногда его итог обнаруживается гораздо позже, когда человек встречает похожую ситуацию и вдруг вспоминает не

запрет, а причину, по которой этот запрет был установлен.

Так борьба с огородными вредителями стала для меня почти важной миссией. Всякий раз, когда мне встречался слизень, колорадский жук или капустница, я без особых сомнений расправлялся с ними. Более того, испытывал удовлетворение: мне казалось, что я делаю полезное дело.

Однажды мы с мамой шли в гости по дождливой улице. Асфальт был недавно уложен, вокруг стояла привычная после дождя сырость, а мы непринуждённо разговаривали обо всём на свете. Пока мама говорила, я одну за другой давил улиток, встречавшихся на дороге. В моей детской голове всё складывалось прекрасно: мы идём по своим делам, беседуем, а я заодно продолжаю выполнять полезную работу.

Мама заметила происходящее.

«Сынок, ты что, больной? Зачем ты убиваешь каждую улитку, которую видишь? Это ненормально».

Я растерялся: «Но мама, ты же сама говорила…»

Она объяснила, что Бог не просто так создал этих существ. Если безудержно уничтожать всё живое вокруг, ничего хорошего из этого не выйдет. У каждого существа есть своё место. В огороде мы защищаем выращенные растения, потому что это наша территория и наш труд. Но мы не владеем всей улицей, всем селом и окружающим миром. Улитки тоже имеют право существовать там, где не причиняют нам непосредственного вреда.

Для меня это стало настоящим потрясением. Ещё вчера

эти существа были врагами, от которых необходимо избавляться. А сегодня выясняется, что у них есть собственное место в мире, которое нужно уважать.

Сегодня, спустя годы, я могу назвать это столкновением двух несовместимых представлений. В психологии для подобных переживаний существует понятие когнитивного диссонанса: человек сталкивается с противоречием между привычными убеждениями и новой информацией. Конечно, тогда я не знал ни этого термина, ни особенностей человеческой психики. Я просто впервые столкнулся с ситуацией, в которой привычная логика перестала работать.

Здесь важно не путать когнитивный диссонанс с отсутствием эмпатии. Первое описывает переживание противоречия между представлениями или убеждениями. Второе связано со способностью понимать состояние другого человека и откликаться на него. Алекситимия, в свою очередь, означает трудности распознавания и описания собственных эмоций; это не синоним жестокости и не диагноз, который можно поставить по одному детскому воспоминанию.

Мне ближе честное описание собственного опыта: я был эмоционально чувствительным ребёнком, но не всегда умел переносить эту чувствительность на реальные отношения. Психолог Мартин Хоффман много писал о роли эмпатии в нравственном развитии, в том числе о том, как способность представить положение другого связана с заботой и просоциальным поведением [2]. Его работа помогает говорить об

этом точнее, не превращая воспоминание в самодиагностику.

Есть ещё одна деталь, которая до сих пор кажется мне удивительной. При всей моей безжалостной борьбе с огородными вредителями я не мог представить, чтобы причинить вред кошке, собаке или другому животному, к которому испытывал привязанность. Почему одни живые существа вызывали желание заботиться о них, а другие воспринимались почти как противники?

Возможно, детская психика не всегда одинаково распространяет чувство сопереживания на всё живое. Мы привязываемся к одним существам, а других воспринимаем через ярлыки, которые услышали от взрослых. Поэтому воспитание милосердия начинается не с требования любить абсолютно всё вокруг, а с развития способности замечать живое там, где прежде мы видели лишь помеху.

Драка, в которой я не почувствовал себя победителем

Был в моём детстве и другой случай. После школы ко мне подошёл мальчик. Некоторые люди тогда называли меня задирой, поэтому, вероятно, у него уже сложилось обо мне определённое представление. Он схватил меня за куртку и заявил, что я якобы обидел какую-то девочку.

Я совершенно не понимал, о ком он говорит. Насколько я помнил, никого не обижал. Но спокойно объясниться мы не смогли. Завязалась драка. Мальчик обещал мне «намылить шею». Он был старше меня на год и учился в другой школе,

однако в итоге я сумел повалить его.

Казалось бы, обычная школьная история. Но самое интересное началось после драки. Я бежал домой с очень странными чувствами. С одной стороны, я дал сдачи и не позволил человеку безосновательно обвинять и запугивать меня. С другой — внутри оставалось неприятное ощущение.

Мне казалось, что произошедшее было неправильным и глупым. Я понимал, что этот мальчик, скорее всего, искал совсем другого человека. Возможно, он действительно хотел разобраться с тем, кто обидел девочку, но ошибся адресатом. Получалось, что он получил отпор за поступок, которого я, вероятно, даже не совершал.

Я не чувствовал себя победителем. Ощущение несправедливости и бессмысленности ситуации не отпускало меня ещё около недели.

Сегодня я вижу в этом столкновение двух представлений о справедливости. Первое простое: если на тебя напали, ты имеешь право защищаться. Второе сложнее: даже если ты сумел защитить себя, это ещё не означает, что вся ситуация была справедливой.

Можно иметь право на защиту и одновременно сожалеть о том, что конфликт вообще произошёл. Можно не испытывать удовлетворения от чужого поражения. Можно признать, что человек поступил неправильно, и всё же понимать, что он мог ошибиться.

Чувствительность — ещё не милосердие

Я никогда не считал себя совершенно бесчувственным ребёнком. Напротив, фильмы, мультфильмы и истории о несправедливости могли сильно меня задевать. Мне было жалко персонажей, которые страдали, переживали предательство или сталкивались с жестокостью. Я мог искренне переживать за вымышленного героя.

Но в реальной жизни всё оказывалось сложнее. Иногда я не замечал, что другому человеку больно. Не всегда задумывался о последствиях собственных поступков. Не всегда понимал, почему то, что кажется мне обычным развлечением, может причинять кому-то страдания.

Со временем я стал различать эмоциональную чувствительность и осознанное сопереживание. Это не одно и то же. Можно сильно переживать за героя фильма и при этом не уметь правильно реагировать на чувства человека рядом. Можно испытывать эмоции, но не замечать, какую ответственность несут перед другими твои действия. [2].

Позже я понял, что умение замечать чужое состояние включает не только эмоцию. Иногда нужно распознать сигнал, иногда — спросить, не хочет ли человек поговорить, иногда — понять, что сейчас лучше не задавать вопросов. Сочувствие не всегда означает, что мы знаем, что происхо-

дит внутри другого. Оно начинается с признания: я могу ошибаться в своих догадках, поэтому не буду решать за человека, что он чувствует.

Эмпатия бывает эмоциональной и когнитивной. В первом случае мы в какой-то мере откликаемся на переживание другого, во втором — пытаемся понять его точку зрения и обстоятельства. Эти формы могут поддерживать друг друга, но не обязаны совпадать. Можно хорошо понимать, что человек чувствует, и всё же не испытывать к нему тепла. Можно эмоционально переживать, но ошибаться в понимании причин его состояния. Поэтому для милосердного поступка важны и чуткость, и проверка собственных предположений.

Я не хочу утверждать, что в детстве у меня отсутствовала эмпатия. Это было бы слишком простым объяснением. Скорее, я постепенно учился переносить собственную чувствительность на реальные отношения с людьми и другими живыми существами.

И здесь я хочу обратиться к тебе. Вспомни себя в детстве. Были ли поступки, которые тогда казались обычными, а сегодня заставили бы задуматься? Было ли так, что ты обижал человека, даже не понимая, насколько сильно его задеваешь?

Не спеши осуждать себя прежнего. Но и не пытайся оправдать всё тем, что ты был ребёнком. Детство многое объясняет. Взрослость начинается тогда, когда человек принимает ответственность за собственные решения и стремится понять, чему его должны были научить совершённые

ошибки.

Свобода без внутреннего ориентира

Я рос среди детей из семей молокан, баптистов и Свидетелей Иеговы.

> *(Примечание: решением Верховного Суда РФ от 20.04.2017 № АКПИ17—238 религиозная организация «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» и входившие в её структуру местные религиозные организации признаны экстремистскими; их деятельность на территории РФ запрещена. Решение оставлено в силе 17.07.2017. Упоминание носит исключительно автобиографический, описательный характер.)*

Я видел, как некоторые из них поступали хорошо, как в их повседневной жизни присутствовали определённые правила и представления о должном. Но само соседство с такими примерами не означало, что у меня автоматически формировалось внутреннее ощущение доброты.

Я мог совершить плохой поступок просто потому, что мне не объяснили, что именно в нём плохого. Наказания существовали, запреты тоже, но иногда я ощущал почти абсолютную свободу. Сейчас я понимаю: речь не о том, что мне позволяли всё. Скорее, внешний запрет ещё не стал внутренним убеждением. Я мог знать, что за поступок накажут, но не всегда понимал, какой вред он причиняет другому. [3].

Я не связываю эти наблюдения с религиозностью семей, среди детей которых рос. Вера сама по себе не гарантирует доброты, как и отсутствие религиозной принадлежности не говорит о нравственных качествах человека. Я описываю только то, как ребёнок воспринимал собственную свободу и ограничения. В одних семьях правила объясняют через разговор, в других — через традицию, пример, наказание или личное участие взрослого. За одинаковыми словами могут стоять очень разные способы воспитания.

Альберт Бандура обращал внимание на то, что дети учатся не только через прямые инструкции и наказания, но и наблюдая за поведением взрослых и сверстников [3]. Это кажется очевидным, но на практике мы часто забываем об этом. Можно сколько угодно говорить ребёнку, что нельзя унижать людей, а затем при нём высмеивать соседа, грубо разговаривать с продавцом или использовать чужую ошибку в семейном споре. Ребёнок запоминает не только правило. Он видит, когда взрослый считает его обязательным, а когда легко отступает от него.

Мне понадобились годы, чтобы понять: свобода без объяснения последствий может ощущаться как отсутствие ориентиров. Но и тотальный контроль не формирует внутреннюю ответственность. Если ребёнок поступает правильно только потому, что боится наказания, он ещё не обязательно понимает, почему этот поступок важен. Задача взрослого — постепенно переводить внешнее требование во внутреннее

понимание.

Я не связываю это с религиозностью семей, среди детей которых рос. У каждой семьи свой опыт, свои способы воспитания и свои представления о нравственности. Я рассказываю о собственном восприятии: оно не складывалось автоматически из того, что я видел вокруг. Мне требовалось самому научиться связывать поступок с его последствиями и чувствами другого человека.

Лишь с возрастом, через множество доверительных разговоров и чтение литературы, я начал иначе относиться к людям, насекомым и животным. Я стал чаще замечать, что живое существо не обязано быть похожим на меня, полезным мне или удобным для меня, чтобы заслуживать бережного отношения.

Сегодня мне кажется важным различать две вещи: свободу ребёнка и отсутствие нравственных ориентиров. Свобода необходима, чтобы человек учился самостоятельно выбирать. Но свобода без объяснения последствий может оставить его один на один с поступками, смысл которых он пока не способен понять. Взрослый нужен не для того, чтобы контролировать каждый шаг, а для того, чтобы помогать ребёнку увидеть связь между выбором и тем, что происходит с другими.

Моральный компас не появляется сам собой

Одна из серьёзных ошибок воспитания — предположение, что ребёнок автоматически поймёт разницу между хо-

рошим и плохим. Взрослые иногда ограничиваются короткими фразами: «Так нельзя», «Это плохо», «Будь хорошим». Но ребёнок не всегда понимает, что стоит за этими словами.

Почему нельзя обижать другого? Почему нельзя мучить живое существо ради развлечения? Почему нельзя пользоваться чужой слабостью? Почему иногда необходимо отказаться от того, что хочется?

Запрет может остановить конкретный поступок. Но понимание причин помогает сформировать внутреннее убеждение. Поэтому важно не просто создать вокруг ребёнка систему ограничений, а постепенно помочь ему выстроить собственный моральный компас.

Нужно разговаривать, задавать вопросы, обсуждать неоднозначные ситуации, показывать последствия поступков. Не превращать каждый разговор в допрос. Иногда достаточно нескольких спокойных вопросов и возможности выслушать ответ.

Можно попросить ребёнка представить ситуацию с другой стороны: «Как бы ты почувствовал себя на его месте?» Но не стоит превращать этот вопрос в ловушку, где от ребёнка ждут заранее известного ответа. Пусть он попробует рассуждать, даже если его вывод сначала окажется неполным. Важнее не идеальная формулировка, а движение мысли.

Выготский подчёркивал роль общения и совместной деятельности в развитии высших психических функций [19]. Для воспитания это напоминает простую вещь: ребёнок

учится не в вакууме. Он осваивает способы думать и действовать в отношениях с другими людьми. Разговор с взрослым, совместная работа, обсуждение последствий и пример поведения становятся частью внутреннего опыта, к которому он позже обращается самостоятельно.

У этого процесса нет одинакового срока для всех. Одному ребёнку достаточно короткого объяснения, другому потребуется десяток ситуаций и спокойное возвращение к теме. Иногда взрослый сам должен признать, что объяснил неудачно. Это не разрушает авторитет. Напротив, ребёнок видит, что взрослый тоже способен пересматривать свои слова и отвечать за них.

И не ждать, что ребёнок сразу даст правильный ответ. Нравственное развитие — не экзамен, который можно сдать с первой попытки. Это длительный процесс, в котором ошибки, сомнения и переосмысление имеют огромное значение.

Принцип 2. Объясняй не только, что плохо, но и почему. Когда ребёнок ошибается, помоги ему увидеть последствия поступка и представить, что чувствовал другой человек.

Возвращаясь к истории с улитками, я понимаю: её главный смысл заключался не в отношении к садовым вредителям. Мама помогла мне увидеть границу между защитой собственного пространства и безосновательным причинением вреда всему, что оказалось рядом. А история с дракой научила замечать разницу между победой и справедливостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.